

[Система: Уровень симпатии Чжоу Цзылу -20. Текущий уровень: 288. Разница: 62]

Цзи Хунмэй продолжала:

— Чжоу Цзылу, если твоя мать не смогла родить ребенка, это еще полбеды, но неужели она даже матерью быть не научилась? Кажется, она тебя ничему не успела научить... М-м-м...

Су Цзин протянул руку и зажал рот призраку, заставив ее издавать лишь приглушенные звуки.

[Система: Уровень симпатии Чжоу Цзылу -30. Текущий уровень: 258. Разница: 92.
Предупреждение об опасности]

Су Цзин: [Похоже, ее единственное желание — свести меня в могилу.]

Чжоу Цзыюань посмотрел на Чжоу Цзылу. Неудивительно, что выражение лица последнего было неопишимо ярким и неприятным. Несмотря на то что глаза уже покраснели, он все еще пытался растянуть губы в улыбке. Казалось, даже если бы у него из ниоткуда выросли клыки, он все равно продолжал бы держать эту гримасу.

Он хотел сказать что-то, чтобы сгладить углы перед этим злосчастным братом, но почувствовал, что рука, которой он зажимал рот Цзи Хунмэй, стала влажной и ледяной. Озадаченный, он взглянул на нее и увидел, что по щекам женщины стекают блестящие дорожки слез.

— ...

Призраки тоже умеют плакать?

И... после всего, что она наговорила, разве это ты должна плакать?

Что за дела?

Су Цзин: [Что думаешь?]

[Система: Призраки не могут прямо озвучивать свои желания, нам остается только догадываться. Скорее всего, Цзи Хунмэй сейчас повторяет то, что говорила Чжоу Цзылу в детстве.]

Су: [Хм, значит, Чжоу Цзылу изначально не знал, что его усыновили, и Цзи Хунмэй специально ему об этом сказала. Эта женщина — просто бамбуковая роща на северном склоне.]

[Система: ?]

Су: [Злая поросль.]

[Система: ...Тебе не кажется, что в этот раз, вернувшись, Цзи Хунмэй сосредоточила все свое внимание именно на Чжоу Цзылу?]

Су: [Да, когда речь зашла о кошках, она даже сама заговорила с ним.]

Тишина.

Су: [У меня есть догадка.]

Чжоу Цзыюань отпустил Цзи Хунмэй. Женщина, которую только что грубо заставили замолчать, притихла и лишь опустила голову.

— Брат.

— Я тебе не брат, — быстро отрезал Чжоу Цзылу, его голос звучал холодно. — Хочешь чего-то — добивайся сам. Своими силами. Можешь даже попытаться забрать мою жизнь.

Чжоу Цзыюань промолчал.

Директор Минь не ожидал, что в этом году Ночь Несбывшихся Надежд преподнесет такой сюрприз, и с интересом наблюдал за разворачивающейся драмой. Ректор Кун же выглядел крайне обеспокоенным.

Отношения братьев Чжоу казались невероятно запутанными: только что они нежно обнимались, а теперь стоят друг против друга как заклятые враги. Более того, недавняя фраза о том, что мать Цзыюаня наверняка была доброй женщиной, оказалась настоящим ударом под дых. Судя по всему, этот шурин на девяносто девять процентов был Золушкой.

Но больше всего было жаль...

Ректор Кун с тревогой посмотрел на Чжоу Цзыюаня. Тонкое, изящное лицо юноши побледнело, он явно был в смятении, не зная, как поступить. Зачем они так на него давят? Он ведь болен.

Сердце ректора Куна сжалось от жалости, но он понимал — это чужие семейные дела, и вмешиваться он не вправе. Как ректор, он видел подобное слишком часто. Ему оставалось лишь бессильно наблюдать за Чжоу Цзыюанем.

Чжоу Цзылу и Чжоу Цзыюань некоторое время смотрели друг на друга, после чего первый развернулся и ушел.

Чжоу Цзыюань подошел к Цзи Хунмэй и прошептал:

— Твое желание — чтобы Чжоу Цзылу простил тебя?

Глаза Цзи Хунмэй внезапно вспыхнули, и этот блеск был совсем не похож на то, как светятся глаза мертвого человека. Уголки ее губ растянулись в жуткой улыбке.

Чжоу Цзыюань:

— Хорошо, тогда жди.

Сказав это, он бросился вдогонку за Чжоу Цзылу.

Директор Минь перевел взгляд с призрака на ректора Куна:

— Ректор, что будем делать?

Ректор Кун вздохнул, снял очки и начал яростно протирать их краем пижамы.

— Давай выставим ее вон. Если оставим здесь, а потом Гун-цзун и остальные разберутся с ней сами, будет только хуже.

Как он тогда будет смотреть в глаза Цзыюаню?

.....

Чжоу Цзылу широким шагом шел по пустому коридору, его тяжелые шаги гулко отдавались в тишине, выдавая кипящую внутри ярость. Он сам не знал, куда идет, главное — как можно дальше от того места.

— Брат! — Чжоу Цзыюань нагнал его, запыхавшись, и схватил за рукав.

Чжоу Цзылу, не раздумывая, стряхнул его руку.

— Нам есть о чем говорить? Расскажешь, как собираешься помочь своей мамаше-призраку исполнить ее желание? Чжоу Цзыюань, ты правда думаешь, что способен что-то мне сделать? Посмотри на себя — ты же безумец. Ха-ха.

Чжоу Цзыюань:

— Что я могу тебе сделать? Я безумец? Может быть... — его голос дрогнул. — Если бы я не был безумцем, разве вел бы себя так глупо?

— ...

В этот миг Чжоу Цзылу внезапно усомнился: а вдруг Чжоу Цзыюань на самом деле знает обо всем, что он творил?

Возможно ли это?

Махинации с активами группы, манипуляции с акциями, принадлежащими Цзыюаню, подножки в самые важные моменты его музыкальной карьеры... Он носился с этим, как гиперактивный ребенок, с нескрываемым удовольствием переворачивая жизнь брата вверх дном.

Невозможно...

Чжоу Цзылу вспомнил, с каким безразличием брат подписывал документы на право собственности, даже не глядя на них. Как он прятался в комнате два дня, когда у него из-под носа увели контракт со звукозаписывающей компанией, а выйдя, лишь вяло поинтересовался, что будет на ужин.

...Он абсолютно ничего не знает. Определенно.

— Что ты имеешь в виду? — Чжоу Цзылу сделал агрессивный шаг вперед, прижимая брата к стене и глядя на него сверху вниз. — Ты меня обвиняешь?

— Ты должен ненавидеть Цзи Хунмэй. А значит, должен ненавидеть и меня. Ты не виноват, — Чжоу Цзыюань поднял свое худое, заострившееся лицо, выглядя обиженным и жалким. — Но ты не должен ненавидеть меня.

Эти противоречивые слова из уст безумца почему-то не казались лишенными логики. По крайней мере, Чжоу Цзылу понимал, что он имеет в виду.

Чжоу Цзылу:

— Что мне должно, а что нет — решаю не я, а ты. Понял?

Подумав немного, он наконец решился и произнес:

— Оставайся здесь до конца своих дней. Это лучшее, что я могу для тебя сделать.

Чжоу Цзыюань выглядел растерянным. Он ничего не ответил, лишь сполз по стене на пол.

Чжоу Цзылу развернулся и ушел. Но, завернув за угол, внезапно остановился. Он схватился за голову и присел, с силой вцепившись в волосы.

То самое чувство удушья из детства, когда каждый день приходилось ходить по тонкому льду, но страх и одиночество все равно настигали тебя, — оно с пугающей легкостью вернулось в его тело.

Эта женщина!

Ведь... он почти забыл.

Правда. Сегодня он почти забыл, как сильно ненавидит Цзи Хунмэй и Чжоу Цзыюаня.

Почему, даже будучи мертвой, она заставляет его слышать эти кошмарные слова?

Непростительно. Некоторые вещи нельзя забывать.

...Ненавидит ли он Чжоу Цзыюаня?

Но как отомстить мертвому?

Ха-ха. Раз уж этой стерве повезло умереть рано, то...

Чжоу Цзыюань...

Тебе не сбежать. Вيني во всем свою призрачную мамашу, которая не дает покоя ни себе, ни другим.

Тем временем призрачную мамашу Чжоу Цзыюаня ректор Кун и директор Минь, взяв под руки, тащили к выходу. Она отчаянно сопротивлялась.

— У этой покойницы сил хоть отбавляй, — проворчал директор Минь, пользуясь случаем, чтобы обыскать ее, пока они ее удерживали.

Она забилась еще сильнее.

— ...Женщина, вы можете хоть немного успокоиться? Я помогаю вам только из уважения к вашему сыну. Честно говоря, с вашей репутацией, если бы другие исполнители разрубили вас пополам, это было бы даже справедливо... — задыхаясь, говорил ректор Кун, толкая ее к дверям.

Добравшись до выхода, директор Минь одной рукой распахнул дверь, а ногой преградил путь, и они вдвоем вытолкнули Цзи Хунмэй в ледяную тьму заброшенных гор. Директор Минь убрал ногу, захлопнул дверь и через стекло показал жест: «Уходи, уходи!»

Цзи Хунмэй еще немного постояла у двери. Затем она действительно развернулась и, волоча застывшее тело, шаг за шагом спустилась по лестнице в темноту.

— Ректор, что если она вернется в следующем году? Может, оформим ей VIP-карту? —

усмехнулся директор Минь, вертя в руках окровавленный ледоруб.

— Надеюсь, она больше не вернется, — ответил ректор Кун.

.....

Чжоу Цзылу постепенно остыл. Он поднялся, решив во что бы то ни стало найти Вэй Сяокуя и обратиться отсюда. Со стороны Чжоу Цзыюаня не доносилось ни звука.

Поколебавшись, он не удержался и выглянул из-за угла.

Чжоу Цзыюань лежал у стены, словно бесформенная куча мусора, лишенная жизни. Сколько он так пролежал?

Чжоу Цзылу почти влетел в комнату, грубо поднял брата и прижал его к стене:

— Ты хоть понимаешь, что на улице зима?

Хрупкое тело Чжоу Цзыюаня дрожало, губы посинели.

— ...Черт.

Чжоу Цзылу выругался. Он не понимал, почему этот идиот-брат всегда выводит его из себя, заставляя отбросить холодную выдержку и с трудом скрываемую тревогу.

— Ты сдохнуть решил...

— Брат, мы больше никогда не увидимся, да?

Чжоу Цзылу невольно напрягся.

— Что ты несешь?

Чжоу Цзыюань не ответил. Он прикусил губу и произнес:

— Мама не хотела мстить. Она просто хотела извиниться и попросить тебя простить ее.

Чжоу Цзылу:

— Чушь.

Чжоу Цзыюань:

— Правда. Она плакала.

Чжоу Цзылу:

— Какое мне до этого дело? Ты разве не слышал, что она говорила?

Чжоу Цзыюань:

— Брат, пока я жив, пусть я буду тем, на кого ты выплеснешь свою ненависть. Я обещаю больше не покидать это место... Она мертва, отпусти это. Дай ей уйти с миром.

Чжоу Цзылу рассмеялся от ярости:

— Как складно поешь! Выставил Цзи Хунмэй жертвой, а сам теперь великий герой? А я, значит, злодей?

Он разжал руки.

— Если так, то я тем более должен вам помочь. Раз уж она привязана к этому миру, пусть гуляет. Ты ведь все равно тут останешься, может, даже будешь видаться с ней каждый год. Как мило, семейный праздник воссоединения. Не благодари.

— ...

— Вставай.

Чжоу Цзыюань снова начал сползать на пол.

— Вставай! — Чжоу Цзылу снова вцепился в его одежду, поднимая на ноги, и взревел: — Ты не знаешь, что простуда для тебя может закончиться смертью? Что твоя лихорадка снова станет моей проблемой? Ты можешь хоть раз позаботиться о себе и не доставлять хлопот?

Чжоу Цзыюань:

— Отпусти.

Чжоу Цзылу:

— Жить надоело?

— Не твое дело! — внезапно рявкнул Чжоу Цзыюань, глядя на него с таким напором, что Чжоу Цзылу на мгновение остолбенел.

Гневный, острый блеск в глазах брата сменился слезами, а голос, полный обиды, дрожал:

— Ты уже отказался от меня, так зачем теперь заботишься?

Чжоу Цзылу:

— ...

Чжоу Цзыюань:

— Разве ты не будешь счастлив, если я умру пораньше?

Чжоу Цзылу:

— Я этого не говорил!

Он выпалил это почти машинально, услышав в своем голосе фальшь, словно муж, оправдывающийся перед женой.

...К чему это?!

Когда он стал так легко поддаваться на манипуляции?!

Он раздраженно толкнул брата:

— Ты с кем разговариваешь?

Чжоу Цзыюань с глухим стуком ударился головой о стену. Сердце Чжоу Цзылу пропустило удар. Он ведь даже не сильно толкнул! Он потянулся помочь, но брат отмахнулся.

— Чжоу Цзылу, к чему это? Дай мне просто умереть от болезни, не пачкай руки.

— Что ты несешь? Я не специально...

Чжоу Цзыюань закрыл глаза, обессиленный.

— Уходи. Я останусь здесь и буду болеть. У меня больше нет родных, а единственный человек, который мне дорог, хочет, чтобы моя мать не нашла покоя, и готов ненавидеть меня всю жизнь. Жить незачем. Умру так умру... Если я умру, ты перестанешь меня ненавидеть?

Чжоу Цзылу был вне себя от раздражения:

— Хватит нести эту чушь...

Брат открыл глаза, в них, казалось, блеснул огонек.

— Умереть — это неплохо. Чжоу Цзылу, живи теперь... хорошо.

У Чжоу Цзылу волосы на затылке зашевелились.

— Чжоу Цзыюань!!!

Ты смеешь мне угрожать?! Ты, кажется, не понимаешь, в какой ситуации находишься?! Никто не смеет мне угрожать!! Тем более — ты!!!

...

Проводив Цзи Хунмэй, ректор Кун и директор Минь разошлись в разные стороны. Директор Минь услышал странные звуки на первом этаже и направился туда. Ректор Кун поднялся по лестнице, решив проверить, не остался ли Чжоу Цзыюань на втором этаже.

У лестницы он столкнулся с мрачным Чжоу Цзылу. Тот хрипло спросил:

— Где тот призрак?

<http://bllate.org/book/20204/2010350>